

НИКИТИН А. С. / Nikitin A. S.

ЧЕЛОВЕК КАК ОДУШЕВЛЁННОЕ ОРУДИЕ СОВЕРШЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

MAN LIKE AN ANIMATED INSTRUMENT OF AN ADMINISTRATIVE
OFFENCE

*Никитин Александр
Сергеевич,*

*кандидат юридических наук,
профессор кафедры истории
и теории государства и права
Московского гуманитарно-
экономического института*

Проводя аналогию с множественностью субъектов преступлений в уголовном праве, предлагается из числа участников (субъектов) административных правонарушений выделить физических лиц, обладающих статусом «одушевленного орудия» совершения административного правонарушения. Приводятся примеры административных правонарушений, в которых имеет место «одушевленное орудие» совершения административного правонарушения. Дается иной взгляд, в контексте «одушевленного орудия», на нормы основной части КоАП РФ, исключающие привлечение к административной ответственности правонарушителей.

Ключевые слова: административное правонарушение, субъекты административной ответственности, орудие совершения административного правонарушения, административная ответственность.

*Nikitin Aleksandr
Sergeevich,
c.j.s. (PhD of jurisprudence),
Professor of the Department of
history and theory of state and
law at Moscow Humanitarian-
Economic Institute*

Drawing an analogy with multiple subjects of crimes in criminal law here is proposed to highlight individuals who have the status of “animated instrument” of an administrative offense among the participants (subjects) of administrative offenses. The author provides examples of administrative offences where “animated instrument” of an administrative offense takes place. Here is given a different view, in the context of “animated instrument”, on the norms of the main part of the Code on Administrative Offences of the RF, which exclude bringing offenders to administrative responsibility.

Keywords: administrative offence, subjects of administrative responsibility, instrument of an administrative offence, administrative responsibility.

Одним из интереснейших вопросов объективной стороны состава административного правонарушения являются положения, характеризующие орудия совершения указанного проступка. Их можно разделить на два больших вида: 1) одушевлённые и 2) неодушевлённые орудия. Они существенным образом отличаются друг от друга, поскольку различны по своему содержанию. Причём, одушевлённые орудия совершения правонарушения распадаются тоже на два подвида. В первом подвиде рассматривается в качестве «орудия» человек, а во втором – животные.

В этой статье мы уделим внимание только «одушевлённому орудию совершения административного правонарушения», в качестве которого выступает человек. К сожалению, данный аспект не получил ещё должного развития среди учёных в административном законодательстве, теории административной ответственности и административной практике. Поэтому мы попытаемся восполнить данный пробел знаний, предложив своё виденье исследуемой части проблемы.

Орудием совершения административного правонарушения может быть лицо, принимавшее активное участие в правонарушении, без которого

не будет в наличии состава указанного проступка, но не являющееся по различным причинам субъектом административной ответственности. Дело в том, что в УК РФ имеется ст. 33, где предусмотрена уголовная ответственность соучастников преступления: исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника. В законодательстве об административных правонарушениях же таких соучастников не предусмотрено, хотя в целом ряде статей КоАП РФ существуют лица, при помощи которых совершаются соответствующие административные правонарушения. Причём, этих лиц нельзя отнести ни к субъектам состава административного правонарушения, ни к потерпевшим.

Из-за отсутствия теоретических наработок по данному вопросу в административном праве, обратимся к некоторым положениям уголовного права, касающихся одушевлённых «орудий совершения преступления», чтобы не начинать наше исследование с «чистого листа». Приведём цитаты ведущих ученых в уголовном праве, которые уделяли вышеуказанному вопросу определённое внимание. Так, например, А. В. Наумов отмечает, что «лицо, склонившее невменяемого или несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, к совершению преступления, считается не подстрекателем, а непосредственным исполнителем. В этом случае подросток или невменяемый выступают в роли своеобразного орудия или средства совершения преступления и не несут ответственности как исполнители совершенного указанными лицами общественно опасного деяния» [8, 90].

В комментарии А. В. Пушкин пишет, что «исполнителем преступления является только такое лицо, которое способно нести уголовную ответственность. Именно поэтому исполнителями преступления признаются и лица, которые сознательно используют для реализации преступной цели тех, кто, в силу закона, не может нести уголовной ответственности. В теории уголовного права данный вид исполнения получил название *посредственного исполнительства (опосредованного причинения)*. В первую очередь, закон связывает посредственное исполнительство с использованием при совершении преступления невменяемых или малолетних, то есть лиц, по сути выступающих в качестве «живых орудий» преступления» [9, 91].

Как видно из высказанных положений, между отношениями уголовного и административного права к данному вопросу существует значительное различие. В административной ответственности пока не разрабатывается теория соучастия, как это решается в уголовном праве, но нас в большей степени может интересовать ситуация, когда «фактически вред объекту причиняется

совместно субъектом преступления и лицами, не обладающими признаками субъекта» [6, 35; 5, 124-125; 4, 15; 11, 46-48], которых необходимо признать одушевлёнными «орудиями совершения административных правонарушений».

Кроме того, по уголовному делу может быть неограниченное количество субъектов состава преступления, представленных различными видами соучастников, правовые статусы которых относительно чётко регламентированы в УК РФ. В отличие от него в административном деле имеется всегда только один субъект состава административного правонарушения, а остальные участники события административного проступка, не оговорены в плоскости соучастия, но имеют иные правовые статусы, в том числе и статус одушевлённого «орудия совершения административного правонарушения». Эти положения только косвенным образом регламентированы в КоАП РФ, находясь в зачаточном законодательном состоянии. Вместе с тем, ещё содержание этих «орудий» в уголовном и административном праве значительно отличается друг от друга, о чём свидетельствует теория и практика. Более того, в отличие от уголовного законодательства КоАП РФ предусматривает административную ответственность ещё и юридических лиц.

Из предшествующей выше цитаты интересен, по нашему мнению, один очень важный вопрос о том, чем отличается «одушевлённое орудие совершения правонарушения» от реального субъекта состава этого же правонарушения? Данные различия можно свести к следующим положениям: прежде всего, это вышеуказанные «орудия» не обладают некоторыми признаками субъекта правонарушения, без чего будет отсутствовать сам его состав. В различных правонарушениях они имеют и разное содержание. Остановимся сначала на возрасте. В части 1 ст. 2.3 КоАП РФ закреплено, что «административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет».

Следовательно, лица, не достигшие шестнадцати лет, не могут быть субъектами состава административного правонарушения, а выступают в рамках данного события в роли одушевлённого «орудия совершения проступка». Эти положения наглядно реализованы в ст. 20.22 КоАП РФ, где закреплено, что «появление в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет, а равно распитие ими пива и напитков, изготавливаемых на его основе, алкогольной и спиртосодержащей продукции, потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, иных одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках,

в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах - влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от трехсот до пятисот рублей».

Другим важным обстоятельством, характеризующим одушевленное орудие совершения административных правонарушений, является то, что лицо, выступающее в качестве указанного «орудия», должно быть невменяемым в момент совершения соответствующего административного проступка. Тогда начинает действовать правило, предусмотренное ст. 2.8 КоАП РФ, где закреплено, что «не подлежит административной ответственности физическое лицо, которое во время совершения противоправных действий (бездействия) находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики».

Таким образом, если в событии административного правонарушения реально совершает противоправные деяния невменяемое лицо, то его нельзя рассматривать в качестве легитимного и самостоятельного субъекта ответственности по данному административному правонарушению. На наш взгляд, его следует понимать только как одушевленное орудие совершения проступка, ибо отсутствие у лица такого признака как вменяемость исключает это лицо из числа субъектов административной ответственности. Причём, в указанном событии административного правонарушения должна просматриваться обоснованно и объективно доказуемая связь между реальным субъектом ответственности и его одушевленным орудием совершения административного проступка.

В иных случаях административной ответственности берутся во внимание признаки ограничений для «государственного или муниципального служащего (бывшего государственного или муниципального служащего)» при приёме их на работу. В указанном случае речь идёт о нарушении ограничений, которые влекут за собой административную ответственность, закрепленную ст. 19.29 КоАП РФ за «привлечение к трудовой деятельности либо выполнение работ или оказание услуг на условиях гражданско-правового договора в случаях, предусмотренных федеральными законами, государственного или муниципального служащего (бывшего государственного или муниципального служащего), замещающего (замещавшего) должность,

включённую в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии коррупции» [1].

Данное административное правонарушение может быть совершено только при обязательной помощи такого одушевлённого «орудия совершения административного правонарушения», как «государственного или муниципального служащего (бывшего государственного или муниципального служащего), который незаконно был принят на работу. Следовательно, лицо, не обладающее признаками субъекта рассматриваемого административного правонарушения, должно в обязательном порядке и в свою очередь обладать следующими специальными признаками: 1) быть действующим государственным либо муниципальным служащим или бывшим государственным либо муниципальным служащим; 2) на него должны распространяться ограничения, предусмотренные ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», которые закреплены также в специальном перечне должностей [2].

Следовательно, ограничения или запреты публичного должностного лица создали особенную систему признаков, которые, в свою очередь, образуют самостоятельный вид правонарушений, где присутствует одушевлённое орудие совершения административного правонарушения. Однако это всё не означает, что другие проступки будут развиваться по такому же сценарию и только с такими же запретами и ограничениями для соответствующих участников состава административного правонарушения. Реально же в административной практике существует большое разнообразие многих комбинаций и сочетаний, характеризующих одушевлённые орудия совершения административных проступков.

Подтверждением тому может быть следующий пример из КоАП РФ. Одним из видов одушевлённых «орудий совершения административных правонарушений» являются неустановленные лица, контактировавшие с больным ВИЧ-инфекцией либо зараженные венерическим заболеванием, а также лица, имевшие с указанными лицами контакты, создающие опасность заражения этими заболеваниями», которых законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 6.1 КоАП РФ) называет «источниками заражения». В указанном случае нельзя путать «больного», который является субъектом состава данного административного правонарушения, и «источника заражения, выступающего в роли одушевлённого орудия совершения административного проступка.

Таким образом, нам представлены три категории неустановленных лиц – источников заражения, выступающих в роле «орудий совершения административных правонарушений», предусмотренных ст. 6.1 КоАП РФ: во-первых, это неустановленные лица, контактировавшие с больным ВИЧ-инфекцией; во-вторых, лица, зараженные венерическим заболеванием, контактировавшие с вышеуказанным больным; в-третьих, иные лица, имевшие с указанными лицами контакты, создающие опасность заражения перечисленными заболеваниями, то есть те люди, которые контактировали с «нашим» больным раньше или позже рассматриваемого события правонарушения, о чём данный субъект умышленно умалчивает.

Вероятнее всего, что эти неустановленные лица никогда не будут выявлены, чтобы быть привлеченными к административной ответственности, но реально и фактически при их «помощи» совершены конкретные административные правонарушения, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 6.1 КоАП РФ. Поэтому их следует рассматривать только в качестве одушевлённых «орудий совершения административных правонарушений» по данному событию проступку. Если же восторжествует справедливое возмездие и эти «неустановленные лица» будут установлены, то они будут представлены в рамках уже других составов административных правонарушений в качестве субъектов административной ответственности. А поэтому по соответствующему административному делу они так и останутся только лишь «орудиями совершения административных правонарушений».

Следовательно, отграничивающими признаками между реальным субъектом ответственности и его орудием совершения проступка будет тот юридический факт, что больной, привлекаемый к административной ответственности, реально существует, известен и доступен правоохранительным органам, а три вышеуказанные категории «неустановленных лиц» для них не определены, неизвестны и недоступны. Поэтому эти «источники заражения», принимавшие реальное участие в совершении противоправных деяний в рассматриваемом событии административного правонарушения, могут выступать только в роли одушевлённых орудий совершения административного правонарушения.

К следующим одушевлённым «орудиям совершения административных правонарушений» можно отнести лицо, занимающееся противоправной деятельностью, организованной субъектом административной ответственности. И хотя указанное «орудие» совершает противоправное деяние, но не может быть привлечено к ответственности по рассматриваемой статье,

так как гипотеза этой статьи не содержит деяния, совершаемого соответствующим «орудием». Примером тому будет ст. 6.12 КоАП РФ, где предусмотрена административная ответственность за «получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией». В качестве одушевленного орудия совершения проступка можно отнести, указанное в данной гипотезе «другое лицо».

Существует мнение, что в этом «бизнесе» целесообразно привлекать к ответственности и мужчин, являющихся клиентами проститутток. Их тоже в данном случае, можно рассматривать в качестве «одушевленных орудий совершения административных правонарушений». Во Франции предпринимается попытка ввести уголовную ответственность для указанных «клиентов», которая уже несколько лет действует в Швеции [3, 11]. В отдельных странах к указанным «орудиям» применяется дисциплинарная ответственность. Например, уволили трех агентов после сексуального скандала во время «Саммита Америк» в Колумбии, когда «сотрудники спецслужб США пытались воспользоваться услугами проститутток» [10, 10].

Главным признаком, характеризующим это «орудие», является то, что это «другое лицо» должно заниматься проституцией, организованной именно вышеуказанным субъектом административной ответственности (сутенёром), привлекаемым к ответственности по ст. 6.12 КоАП РФ. Такая связь между ними должна реально просматриваться и быть обоснованно доказана правоприменителем. В противном случае административное дело «развалится», а правонарушитель останется безнаказанным.

Таким образом, разграничивающими признаками между субъектом ответственности и орудием его совершения в данном административном проступке будет тот юридический факт, что сутенёр организует занятие проституцией, а «другое лицо», реально занимающееся проституцией, её выполняет. Действия «другого лица» несовместимы с положениями объективной стороны состава проступка, предусмотренного ст. 6.12 КоАП РФ. Стало быть, разница в совершаемых противоправных деяниях выступает в роли разделителя признаков субъекта ответственности и его одушевленного орудия совершения административного правонарушения. Говоря о «другом лице», законодательство устанавливает административную ответственность и для него, но только уже по ст. 6.11 КоАП РФ за «занятие проституцией».

Вместе с тем, в данной логической цепочке безнаказанным остаётся ещё один субъект, который заинтересованно олицетворяет спрос на подобного рода услуги. Речь идёт о потребителе, который готов платить проституткам

любые деньги, чтобы только реализовать свои интимные интересы, а это, в свою очередь, провоцирует, как правило, женщин лёгкого поведения к соблазну порочных заработков. Несомненно, что и этот потребитель также выступает здесь в роли своеобразного одушевлённого орудия совершения административного правонарушения.

На наш взгляд, российское законодательство, если оно собирается действительно бороться с этим социальным злом, должно охватывать ответственностью весь круг его субъектов, а не только отдельных функциональных участников вышеуказанного процесса, падших женщин и их сутенёров. Интересен в указанном отношении зарубежный опыт. Например, «Израильский кнессет одобрил в первом чтении законопроект об уголовной ответственности за пользование услугами проституток. За первое нарушение закона предполагается обязательное посещение специального семинара, за второе — тюремное заключение до шести месяцев» [7, 23].

Признаком, отделяющим субъекта административной ответственности от орудия совершения административного правонарушения, может быть гражданство. Так, например, отдельные статьи КоАП РФ в качестве одушевлённого «орудия совершения административного правонарушения» признают иностранного гражданина либо лицо без гражданства. Речь идёт о части 1 ст. 18.15 КоАП РФ, в которой предусмотрена административная ответственность за «привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства при отсутствии у этих иностранного гражданина или лица без гражданства разрешения на работу либо патента, если такие разрешения либо патент требуются в соответствии с федеральным законом».

Следовательно, предприниматель, привлекающий к оплачиваемому труду иностранного гражданина или лицо без гражданства, совершает при их помощи нарушение соответствующего запрета, установленного законодательством, и тем самым становится субъектом состава административного правонарушения, предусмотренного частью 1 ст. 18.15 КоАП РФ. Он совершает незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина или лица без гражданства.

В примечании к этой статье даётся пояснение, что «в целях настоящей статьи под привлечением к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства понимается допуск в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг либо иное использование труда иностранного гражданина или лица без гражданства. В случае

незаконного привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации двух и более иностранных граждан и (или) лиц без гражданства административная ответственность, установленная настоящей статьей, наступает за нарушение правил привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (в том числе иностранных работников) в отношении каждого иностранного гражданина или лица без гражданства в отдельности».

С другой стороны, иностранный гражданин или лицо без гражданства в рамках этого административного правонарушения выступает в качестве одушевлённого орудия совершения проступка, при помощи которого и в большей степени реализуется само противоправное деяние. Без его активной деятельности, по сути, не будет этого состава административного правонарушения, но гипотеза части 1 ст. 18.15 КоАП РФ не предусматривает мер ответственности для указанного иностранного гражданина или лица без гражданства. Таким образом, действия предпринимателя, незаконно привлекающего к трудовой деятельности иностранного гражданина или лицо без гражданства, и самого иностранного гражданина или лица без гражданства, выступающего в роли одушевлённого орудия совершения проступка, нельзя уравнивать в совершаемых деяниях и ответственности за них.

Подводя итог анализу такого одушевлённого орудия совершения административного правонарушения как человек, можно сделать вывод, что мы рассматривали вышеуказанное «орудие» как факультативный признак, находящийся в границах объективной стороны состава административного правонарушения, но приобретающий свою легитимность от совершенно другого элемента состава проступка, от его субъекта, который из-за своеобразной конструкции гипотезы правовой нормы не состоялся как таковой. Поэтому соответствующее лицо может реально участвовать в событии административного правонарушения только в качестве одушевлённого орудия совершения административного правонарушения. Причём, за своё противоправное поведение у данного одушевлённого орудия никогда не возникает административного наказания в рамках конкретно этого состава проступка.

Приведённые примеры позволяют нам вывести общие черты одушевлённого «орудия совершения административного правонарушения» в виде человека, которые заключаются в следующем:

1) В рассматриваемом событии административного правонарушения должны принимать участие, как минимум, два реальных участника

правонарушения. Один из них – субъект состава проступка, а другой – одушевлённое орудие совершения этого же правонарушения.

2) Одушевлённые «орудия совершения административных правонарушений» никогда не совпадают по содержанию своего противоправного поведения с противоправным деянием субъекта состава соответствующего правонарушения.

3) Гипотеза правовой нормы в административном законодательстве никогда не содержит противоправного деяния, произведённого одушевлённым орудием совершения административного правонарушения, за исключением случаев, связанных с недостижением данным лицом соответствующего возраста и невменяемостью.

4) Одушевлённое «орудие совершения административного правонарушения», по своей сути, это человек, которого по каким-то основаниям нельзя привлечь к административной ответственности в рамках, как правило, именно этого состава проступка, за исключением случаев, связанных с недостижением лицом соответствующего возраста и невменяемостью.

5) Формальными основаниями невозможности привлечения к административной ответственности одушевлённого «орудия правонарушения», на наш взгляд, могут быть следующие: во-первых, недостижение несовершеннолетним достаточного возраста для привлечения его к административной ответственности; во-вторых, невменяемость субъекта состава проступка; в-третьих, реальное непонимание субъектом ответственности того, что он совершает по воле другого лица противоправное деяние; в-четвертых, в данном составе правонарушения отсутствует ответственность за деяния, реализуемые одушевлённым «орудием совершения административного правонарушения» и пр.

Список литературы.

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ от 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I). Ст. 6228.
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» // СЗ РФ от 2 января 2006 г. № 1. Ст. 118.
3. Биттен Н. Позорный бизнес // Столичная утренняя газета МЕТРО. 2012, 12 января.
4. Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 3. 15.

5. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Краснодар, 2000.
6. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980.
7. Мир в заголовках // Русский репортёр. 2012, 23 февраля – 1 марта.
8. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс Клувер. 2005.
9. Пушкин А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М.: Книжный мир. 2007.
10. Разведчиков снова уволили из-за проституток // Столичная утренняя газета МЕТРО. 2012, 26 апреля.
11. Светенюк Н. Ответственность за изнасилование, совершенное группой лиц, и соучастие в нём // Уголовное право. 2005. № 4.

References:

1. Federal Law No. 273-FL from 25 December 2008 “On Combating Corruption” [Federal’nyi zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodeistvii korrupsii»]. *SZ RF – Collection of Laws of the Russian Federation* from December 29, 2008, no. 52 (part I), article 6228.
2. RF Presidential Decree No. 1574 from December 31, 2005 “On the Register of Positions in the Federal Public Civil Service” [Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2005 g. № 1574 «O Reestre dolzhnostei federal’noi gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby»]. *SZ RF – Collection of Laws of the Russian Federation* from January 02, 2006, no. 1, article 118.
3. Bitten N. Shameful Business [Pozornyi biznes]. *Stolichnaya utrennyaya gazeta METRO – metropolitan morning paper METRO*, January 12, 2012.
4. Volzhenkin B. V. Some Problems of Complicity in Crimes Committed by Special Entities [Nekotorye problemy souchastiya v prestupleniyakh, sovershaemykh spetsial’nymi sub’ektami]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*, 2000, no. 3. 15.
5. Galiakbarov R. R. *Combating Group Crimes* [Bor’ba s gruppovymi prestupleniyami]. Krasnodar: 2000.
6. Galiakbarov R. R. *Qualification of Group Crimes* [Kvalifikatsiya gruppovykh prestuplenii]. Moscow: 1980.

7. World of Headings [Mir v zagolovkakh]. *Russkii reporter – Russian Reporter*, 2012, February 23 – March 01.

8. Naumov A. V. *Practice of Application the Criminal Code of the Russian Federation: Case Comment and Doctrinal Interpretation* [Praktika primeneniya Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: kommentarii sudebnoi praktiki i doktrinal'noe tolkovanie]. Moscow: Volters Kluver, 2005.

9. Pushkin A. V. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation* [Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii]. Under general edition of N. G. Kadnikov, Moscow: Knizhnyi mir, 2007.

10. Spies again were fired because of prostitutes [Razvedchikov snova uvolili iz-za prostitutok]. *Stolichnaya utrennyaya gazeta METRO – metropolitan morning paper METRO*, April 26, 2012.

11. Svetenyuk N. Responsibility for a Gang Rape and Complicity in it [Otvetstvennost' za iznasilovanie, sovershennoe gruppoi lits, i souchastie v nem]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*, 2005, no. 4.